

7. Preface to the Nigger of the Narcissus by Joseph Conrad: [Електронний ресурс]. URL: <http://web.missouri.edu/~materert/mod/Conrad/htm>
8. Saunders Max, 'Literary impressionists (act. c.1895–c.1925)', Oxford Dictionary of National Biography, Oxford University Press, Sept 2012 : [Електронний ресурс]. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/theme/96337>.

Summary. The article deals with the features of artistic realization and operation of the Impressionist technique of writing in the work of J. Conrad. It is analysed the techniques of the "point of view" and frame narrative; the means of instant impressions depicting are underlined. Attention is paid to philosophical content of the author's prose.

Key words: *Impressionism, feelings, emotions, instant, direct, point of view.*

УДК 82(091)

Л.В. Дербенёва

ВОЙНА И ФИГУРА ГЕРОЯ В ВОЕННОЙ ТОПИКЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

У статті досліджується своєрідність концепції героя у прозі Л.М. Толстого. Увага акцентується на головному об'єкті деміфологізації письменника – війні та постаті героя. Проте дослідження свідчить, що письменник не стільки заперечував міфоритуальні моменти у творчості, скільки демонстрував амбівалентну залежність. У прозі Толстого чітко простежуються способи руйнування традиційних міфологічних архетипів і, одночасно, традиційне уявлення про війну і героя, які були притаманні героїчному епосу.

Ключові слова: *архетип, герой, міфопоетика, міфологема, художнє дослідження.*

Аспект мифопоэтического «есть результат соприкосновения мифа с иной культурной системой, переорганизация мифа по законам и формам поэтики» (А.С. Киченко) [1, 57]. В этой связи перспективным видится исследование в «архетипическом духе» не только конкретного художественного произведения, но и ведущих тем в творчестве писателя. Рассмотрение военной архетипики в произведениях Л.Н. Толстого представляет с этой точки зрения особый интерес, поскольку, во-первых, тема войны, армейского уклада, воинского долга – одна из ведущих толстовских тем, во-вторых, речь идет о «типичном» реалисте.

Принципиальная связь между мифом и литературой доказана многочисленными исследованиями, однако связь эта всякий раз, в каждом конкретном случае носит своеобразный характер. В случае с творчеством Л.Н. Толстого следует обратить внимание на тот факт, что писатель не столько отрицал мифо-ритуальные моменты в творчестве, сколько демонстрировал определенную амбивалентную зависимость. Это объясняется тем, что, несмотря на принципиально критическую установку, реализм не может избежать тотального отхода от мифо-ритуальной топики. Поскольку, как убедительно доказал К.Г. Юнг, полное разрушение архетипа не возможно, речь может идти только о «нарушении», абберации, переосмыслении. Поэтому вполне правомерно говорить как о мифоразрушении в творчестве Л.Н. Толстого, так и о мифотворчестве писателя.

Основной объект демифологизации Л.Н. Толстого взаимосвязанные объекты – война и фигура героя.

Понятие «герой» в разные эпохи и в разных типах литературы трактуется по-разному, поскольку политические, государственные, культурно-просветительские феномены накладываются на художественные произведения различного рода матрицы (нормы, каноны), которые проявляются как критерии эстетических ценностей. Так, фольклорно-национальные архетипы превозносили физическую силу и военные доблести героя; античная традиция – его «демонизм», принадлежность к миру богов; христианская литература Средневековья культивировала этический критерий и идеал аскетического самоотречения. Со времен Возрождения наблюдается тенденция к дегероизации.

Проблема героического в литературе, тенденция создания «не героичных героев» является индикатором кризисного мировосприятия, характерного для реалистической литературе конца XIX века.

Уже в первых «военных» произведениях Л.Н. Толстого – «Набег», «Рубка леса», «Казачки» происходит развенчание войны, связанное с романтическими представлениями о баталистике, –

героика и подвиг (мифологический уровень), и развенчание на более глубоком архетипическом уровне: теперь война не представляется как испытание храбрости и мощи отдельного человека-героя и коллектива. Эти рассказы носят исследовательский, аналитический характер, более значимый для Л.Н. Толстого.

Традиционно рассказы о войне строились фабульно: на стремительном развитии действия, включали изображение величественных событий, кровавых и победоносных сражений, впечатляющих подвигов героев. Толстого-художника интересует в большей степени нравственная сторона в войне, правда войны глазами русских солдат и глазами горцев.

Художественное слово со времен формирования архаического героического эпоса кристаллизировало идеал героического как оппозицию обыденному существованию обыкновенного человека. Вокруг выдающихся личностей складывался героичный эпос, стереотипы которого прочно вошли в национальное сознание. Характерный для языческих обществ культ силы и героя способствовал тому, что со времен античности героика преимущественно связывалась с идеей военного подвига.

Русского писателя в войне интересовали в первую очередь не события, а человек на войне. Художественному исследованию подлежит внутренний мир человека оказавшегося в экстремальных обстоятельствах. Война изображается писателем не как героическое событие, а как событие «противное человеческому разуму и всей человеческой природе...» [5, т.4, 7]. Исходя из такого понимания войны, в творчестве Толстого четко прослеживаются основные способы разрушения традиционно-мифологической военной архетипики.

Во-первых, война изображается через восприятие неподготовленного человека (волонтер в «Набеге», Пьер Безухов в «Войне и мир»). Отсюда не героизированное видение великих битв (например, Бородинское сражение глазами Пьера Безухова).

Во-вторых, «герой» лишен героического ореола. Здесь следует обратить внимание на три аспекта.

1) «Герой»-воин выполняет свой долг, а не совершает подвиг (капитан Тушин, партизанская война).

2) Изображение полководцев: Кутузов стар, немощен, но мудр. Наполеон вызывающе развенчивается («маленький, ничтожный Наполеон» в восприятии Андрея Болконского). Противопоставленный ему Кутузов близок автору своей обыкновенностью и человечностью.

3) Разочарование героев романа в былых кумирах («героях»): Наполеоне, царе, полководцах, великих исторических деятелях.

В-третьих, внимание акцентируется на не эстетичности, будничности, не героичности военной жизни, с ее бытовыми подробностями и грязью.

В-четвертых, происходит замена традиционного представления о храбрости на войне как о возвышенном, самоотверженном служении, скромным выполнением долга. Храбрость теперь связывается с незаметностью, с не тщеславием, скромностью (капитан Хлопов в «Набеге», Тросенко в «Рубке леса», капитан Тушин в «Войне и мире»).

Однако, несмотря на архетипическое нарушение изображения войны, у Толстого наблюдается и традиционное архетипическое представление для героических эпосов:

1) подвиг во имя народа и государства сохраняет свой морально-эстетический статус («Севастопольские рассказы», «Война и мир»);

2) герой появляется в тот момент, когда его ждут как освободителя, он должен произвести впечатление. Такой эффект достигается либо особенными качествами героя, либо необходимостью действовать при определенных обстоятельствах. В этом случае героем может стать любой человек;

3) недоверие к «чужим», к «немцам» (черта характерна практически для всех русских писателей: иностранцы, как правило, изображаются негативно);

4) идеализация «славянства», «русскости»: «Велика судьба славянского народа! Недаром дана ему эта спокойная сила души, эта великая простота и бессознательность силы!...» [5, т.2, 382]. А ведь речь идет о войне на Кавказе, то есть патриотического национального акцента здесь как в «Севастопольских рассказах» или «Войне и мире» не может быть. Изображение кавказской войны радикально меняется у Л. Н. Толстого только в повести «Хаджи Мурат».

В «Войне и мире» изображение войны иное. Война изображается писателем в нетипичном для него «ритуально-мифологическом» единстве. Отметим, что обычно толстовские мифологемы («опрощение», «возврат к природе», «возврат к земледельческому труду», «русское гнездо», «деревня как русский рай») находятся в противоречии с антиритуальной установкой (например, разрушение традиционной инициальной структуры романного жанра, опирающейся на сказку; негативное отношение к семье, браку).

Проблема героя и героического из сферы литературной критики переходит в историко-теоретические исследования только XIX веке. Здесь наиболее активны ученые мифологической

школы. Существует несколько версий о происхождении героического мифа. Т. Бенфей выдвигает теорию первичной общности фольклорных повествований, которые были заимствованы разными народами. В этом же ключе объясняет распространенность героических мифов Р. Шуберт (из общего источника сюжетов). А. Бауэр отстаивал идею существования «элементарных мыслей», характерных всем народам. Современник Л.Н. Толстого А.Н. Веселовский подчеркивает ведущую роль обряда (ритуала) в развитии культуры, в том числе и в связи с проблемой героя. Такой же точки зрения придерживался Дж. Фрэйзер и кембриджские «ритуалисты». Симптоматика этих научных взглядов четко выражена в творчестве Л.Н. Толстого.

Ритуально-мифологическое единство в романе «Война и мир» связано с тем, что война носит освободительный патриотический, народный характер. «Народность» подчеркивается как пробудившаяся сила, защищающая свою землю, в противовес теоретизированию наемных иноземных (чужих) генералов. Поэтому война изображается Толстым, «как благотворная катастрофа, которая вызволяет героев романа из мира искусственных отношений и светских условностей, губительного хаоса эгоистических, часто мнимых страданий и проблем [4, 130].

Возможные апелляции к архетипическому арсеналу здесь могут быть связаны с осознанием противоборства полярностей «войны» и «мира» как противоборства двух космических сил. Н.Д. Тмарченко, ссылаясь на тезис С.Г. Бочарова, подчеркивает, что у Л.Н. Толстого в самом горниле войны создается мир; обнаруживает мифологическую логику сопряжения указанных полярностей, при которой они не противостоят друг другу, а взаимопроникают в едином круговороте бытия – «все во всем», как в мифе. Хаос порождает Космос.

Тема героизма «пересматривается» Толстым, но сам принцип концепции героики остается традиционным, архетипическим – это «разновидность возвышенного, в тематическом воплощении предполагающая художественное воспроизведение мужественного и самоотверженного поведения индивидуума или масс во имя высоких целей» [3, 175]. Соответственно, под понятием «архетип героя» понимаем образ, который в течение долгого времени воспроизводится в литературе в основных своих неизменных признаках и выражает определенный общественный идеал. Этот образ может модифицироваться в соответствии со сменой общественно-исторических представлений об идеале, но при этом он сохраняет фундаментальные атрибутивные признаки. Такими являются исключительный статус героя в произведении; поступок, предполагающий борьбу (с внешним врагом, или с самим собой); ценностность этого поступка для общества; рецепцию героя обществом как выдающегося человека.

В «Севастопольских рассказах» и в «Войне и мире» главные признаки героического эпоса проявляются в полной мере: борьба ведется не за личные цели, благополучие героя, а за идеалы народа, носит общенародный, общегосударственный характер.

Уже в классическом героическом эпосе («Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Роланде» «Беовульф») постепенно происходит «размытие» классических мифологем. Они привязываются к потребностям рода, человека; земной план начинает преобладать над небесным; главные «роли» отводятся не богам, а культурным героям, героическим индивидам. Ретроспектива исторической поэтики позволяет сделать вывод о дальнейшем размытии в «героическом эпосе» Л.Н. Толстого классических мифологем: пересмотру подвергается концепция героики (мифоразрушение), но не ее принцип. В этой связи следует обратить на важную особенность философии Л.Н. Толстого: важнейшие толстовские мифологемы: стремление к естественности «опрошению», «русскому раю», «золотому веку» связаны не с возвращением к некоей традиции (в мифологическом смысле), а скорее, как отрицание опыта культурной истории человечества, которая не выдерживает испытания «здоровым смыслом». Отсюда мифологема «русского патриархального гнезда» (как вариант «золотого века») и развенчание традиционной военной архетипики (например, взгляд на войну из деревенского локуса). Однако военная «мифология» полностью сохраняется, когда речь идет о «справедливой» войне («Севастопольские рассказы», «Война и мир»).

Таким образом, архетипическая концепция героя отличается от классической модели. Если классический герой ориентирован на смерть, то архетипический наоборот – на жизнь. Его задание состоит в поиски, словами Дж. Кемпбела, «потерянной Атлантиды согласованной души» [2, 363], именно в этом подвиг архетипического героя. Соответственно врагом является сам человек со своим эгоизмом, мелкими желаниями. Герой перестает быть сверхчеловеком, приобретая при этом человечность, которая становится перспективной возможностью изменения окружающего мира. Если бытие классического героя завершено, поскольку смерть героя венчает его подвиги, то заданием архетипического героя является прохождение всего полного цикла жизни и возрождение после смерти (символической, духовной) к новой жизни.

Список використаних джерел

1. Киченко А.С. Мифологические формы в фольклоре и истории русской литературы XIX в. / А.С. Киченко. – Черкассы: Изд-во Черкасского ун-та, 2003. – 372 с.

2. Кэмпбелл Дж. Тысячелетний герой / Дж. Кэмпбелл / [Пер. с англ. А.П. Хомика]. – К. : Ваклер; М. : REEFL –book: АСТ, 1997. – 383 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / [Гл. ред. и сост. А.Н. Николютин] / И-т науч. информ. по обществ. наукам РАН. – М.: НПЦ «ИНТЕЛВАК», 2003. – 1600 стлб.
4. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах / Е.М. Мелетинский. – М. : Наука, 1994. – 266 с.
5. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. / Л.Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1978–1985.

Summary. The article examines the uniqueness of the concept of the hero in L. Tolstoy's prose. Attention is focused on the main site of the writer's demythologization – war and hero. However, the research shows that the writer does not so much deny the myth-ritual moments in the work, as demonstrates an ambivalent relationship. In Tolstoy's prose one can see the destruction of traditional mythological archetypes and, simultaneously, the traditional idea of war and hero that were inherent in the heroic epic.

Key words: archetype, hero, myth poetics, mythology, artistic research

УДК 821.161.1 – 3

А.П. Елисеенко

«ЧУЖОЕ СЛОВО» В РОМАНЕ Б. ПОПЛАВСКОГО «АПОЛЛОН БЕЗОБРАЗОВ»: ИБСЕНОВСКИЙ СЛОЙ

Статья посвящена вивченню впливу «чужого слова», а саме п'єс Г. Ібсена, на творчість Б. Поплавського. Аналізується роман Б. Поплавського «Аполлон Безобразов» у співставленні з творами норвезького драматурга. Здійснена спроба визначити інтертекстуальні зв'язки у творах письменника.

Ключові слова: «чуже слово», преемственность, образ, интертекстуальні зв'язки.

Творческому наследию Г. Ибсена посвящено множество работ как отечественных, так и зарубежных исследователей. Однако влияние норвежского драматурга на творческий мир Б. Поплавского не получило серьезной оценки в современном литературоведении.

Цель нашего исследования – выяснить, как повлияло творчество Г. Ибсена на творческое мировоззрение Б. Поплавского, проанализировать роман Б. Поплавского «Аполлон Безобразов» и пьесы Г. Ибсена «Пер Гюнт», «Бранд» и определить интертекстуальные связи.

Г. Ибсен сыграл значительную роль в культурной жизни России рубежа веков. У него были как почитатели, так и оппоненты. Д. Мережковский, например, писал, что «каждый разговор об Ибсене – настоящее литературное сражение. Равнодушные зрители очень быстро превращаются или в пламенных врагов, или в столь же пламенных друзей поэта» [4]. В книге «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» он дает краткие сведения о биографии писателя и об основных этапах его творческого пути, опираясь на книгу Г. Йегера «Г. Ибсен (1828 – 1888). Биография и характеристика» (1892), которая была переведена на русский язык К. Бальмонтом, запрещена цензурой и конфискована по идеологическим соображениям. Более того, согласно сведениям Т. Петровой, книга была сожжена при Басманном полицейском доме в количестве 1199 экземпляров при тираже 1500 экземпляров [5]. Д. Мережковский восхищался смелостью Г. Ибсена критиковать традиционное мировоззрение современной ему публики, потому «каждый шаг его к славе отмечен не возрастающей любовью, а возрастающей ненавистью толпы» [6, 182].

Г. Адамович писал в «Литературных заметках», что цель Г. Ибсена в искусстве состояла в том, чтобы ставить вопросы, вскрыв «призрачность всех возможных на эти вопросы ответов <...> “Жестокий талант” – можно было бы сказать об Ибсене с большим правом, чем о ком-либо другом» [1], имея в виду высказывание Н. Михайловского о Ф. Достоевском как о «жестоком таланте»: по мнению Г. Адамовича именно Г. Ибсен, а не автор «Преступления и наказания» сумел обнажить болевые точки сознания современного ему человека.

Многочисленные неприязненные отклики о творчестве Г. Ибсена принадлежат Л. Толстому, который был против его индивидуализма и считал, что драматург стоит «во главе всей “бес-